

М. Г. Степанов

ДЕПОРТАЦИЯ КАЛМЫКОВ И СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГОДЫ): КРАТКИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В статье проведен историографический анализ проблемы депортации калмыков и северокавказских народов в СССР периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Делается вывод о том, что в современной российской историографии в связи с вводом в научный оборот ранее не доступных архивных материалов появляется целый спектр дискуссионных исследовательских тем.

Ключевые слова: война, репрессии, сталинизм, этнические депортации, российская историография.

В настоящее время происходят чрезвычайно сложные процессы трансформации российского общества и государства. К области острых политических и научных дискуссий в современной России следует отнести историю советского государства. Это связано с поляризацией оценочных суждений, которые существуют в нашем обществе в отношении советского прошлого. Отсюда закономерно, что в последние годы на официальном уровне наметилась четко выраженная тенденция пересмотра ряда оценок по истории Советского Союза, высказанных в «перестроечной» и постсоветской научной и публицистической литературе. В связи с этим мы можем утверждать о значимости объективного изучения истории советского государства и общества.

Тема депортации калмыцкого населения в 1943 г. стала по сути второй по значимости исследовательской проблемой в отечественной историографии, после проблемы депортации немецкого населения.

Целью данной статьи является выяснение степени разработанности проблемы депортации калмыков и северокавказских народов в СССР периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в современной отечественной историографии.

Задача, поставленная автором в данной статье, имеет три аспекта: 1) показать масштабы депортаций калмыков и северокавказских народов в отечественной историографии и соотнести их с доступными на данный момент архивными материалами; 2) рассмотреть дискуссионные моменты в современной российской историографии, связанные с депортацией калмыков и северокавказских народов в военный период; 3) проанализировать оценки

рассматриваемой в статье проблемы, высказанные современными исследователями.

Исходя из данных Н. Ф. Бугая, который изучил значительный комплекс архивных материалов следует, что калмыков в конце 1943 г. было депортировано 91919 человек¹.

По данным же Государственного архива РФ (справка «О количестве расселенных спецпереселенцев-калмыков», подготовленная оперуполномоченным Отдела спецпоселений ГУЛАГ НКВД СССР капитаном госбезопасности Зеленцовым) на 02 февраля 1944 г. было депортировано 92983 калмыка².

Если же исходить из информации, которой оперирует К. Н. Максимов, то всего к середине 1944 г. было выселено 99252 калмыка, а с учетом солдат и офицеров депортации подверглись около 110 тысяч человек³. Главные причины выселения калмыков К. Н. Максимов видит в стремлении провести не только этническую чистку, но и попытке переложить серьезные промахи советского руководства, обернувшиеся крупными поражениями в первые годы войны, потерями людских и материальных ресурсов, на некоторые малочисленные народы. В указе по депортации калмыков, в частности, всему народу были выдвинуты вымышленные обвинения во всенародной измене, во вредительстве при эвакуации скота, имущества, при восстановлении разрушенного войной народного хозяйства⁴.

По мнению П. М. Поляна, депортации калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и крымских татар носили не профилактический характер (как с немцами Поволжья), а были как бы акциями «возмездия» за совершенные или несовершенные в годы войны преступления против советского государства⁵.

В. А. Бердинских считает, что депортация была наказанием для калмыков за «сопротивление органам Советской власти», массовое сотрудничество с германскими оккупантами. Якобы более 30 процентов взрослого калмыцкого населения «с оружием в руках выступили против Советской власти». Скорее всего, такая массовость – миф, сотворенный самим НКВД, создававшим самому себе новое поле деятельности. Да, известен созданный германским вермахтом калмыцкий кавалерийский корпус (более 5000 человек), который до самого конца войны действовал против партизан на Украине, в Польше и в Хорватии. Но ведь известно и другое: около 8000 калмыков отмечены за солдатскую доблесть в годы войны государственными наградами СССР⁶.

В контексте рассматриваемой проблемы следует выделить исследование Э.-Б. М. Гучиновой, которая впервые в отечественной исторической науке проанализировала воздействие депортации калмыков в 1943 г. на частичное изменение их этнического самосознания. В частности, автор приходит к выводу о смене гендерных ролей как одному из способов выживания калмыцких спецпереселенцев в экстремальных условиях, когда главой семьи в отсутствие мужей-фронтовиков становилась женщина. Прослеживается меняющееся общественное восприятие этой трагедии: от писем к Сталину – к умолчанию, от народных песен – к смешанным историям, от умолчания – к многочисленным публикациям мемуаров и писем в калмыцкую прессу и т. д.⁷ Кроме того, заметила Гучинова, дисперсность расселения после депортации и общность экстремального опыта привели к тому, что этническая идентичность стала доминировать над локальными формами самосознания. Позднее ощущение народного единства ослабло⁸.

Также тема депортационной операции в отношении калмыков в 1943 г. и проблемы реабилитации калмыцкого народа была раскрыта в диссертации К. В. Убушаева⁹.

Что касается другого этноса – карачаевцев, то, по данным Н. Ф. Бугая, в 1943 г. депортации подверглось 65842 человека¹⁰. Число депортированных у В. Н. Земскова составило 68327 карачаевцев¹¹. Это расхождение в статистике можно объяснить тем, что Н. Ф. Бугай пользовался теми архивными материалами, которые были доступны в «перестроечный» период и полностью не могли показать дей-

ствительные масштабы депортации карачаевцев.

Особый интерес в развитии данной проблематики представляет публикация Х.-М. Ибрагимбеили, который не согласился с высказыванием Т. Ю. Красовицкой, сделанным на «круглом столе» журнала «Вопросы истории» 6 мая 1988 г., о том, что «Сталин проводил выселение, стирание целых народов <...> с лица Земли, и проводил, хотя и поспешно, но вполне продуманно, “со знанием дела”, с точки зрения языковой политики». Для обоснования своего тезиса о создании «однородной языковой среды» Т. Ю. Красовицкая стремилась показать, что с Северного Кавказа выселялись лишь народы тюркской группы (карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы, кавказские турки).

Напротив, Х.-М. Ибрагимбеили считает, что сталинское руководство осуществило в конце 1943 – начале 1944 г. беспрецедентную, противоконституционную, тотальную репрессию. И отсюда определение Т. Ю. Красовицкой акции по переселению народов Северного Кавказа как «средства перехода на ассимиляторские позиции» лишь в «языковой политике» неправомерно¹².

По мнению К. Т. Лайпанова, причины депортации карачаевцев кроются в природе сталинской тоталитарной системы, разработавшей на государственном уровне антинаучную и преступную концепцию о якобы «неблагонадежности» некоторых народов страны и об их «измене Родине» в годы войны. Другой причиной депортации народов было стремление Сталина пополнить свежей, дешевой рабочей силой малозаселенные районы Сибири, Казахстана и Средней Азии, куда в начале войны было эвакуировано много военных заводов. Также Лайпанов заметил, что в депортации карачаевцев, ингушей, чеченцев и балкарцев немалую роль сыграло то обстоятельство, что территории этих народов граничили с Грузией и после их выселения южные части этих земель были присоединены к Грузии¹³.

Оценивая демографические потери, К. Т. Лайпанов отметил, что почти половина депортированного карачаевского населения погибла от голода и болезней, причем погибли в основном дети фронтовиков и их родители, младшие братья и сестры¹⁴.

Характеризуя условия расселения депортированных карачаевцев, З. Х. Текеева акцен-

тировала внимание на их катастрофическом состоянии¹⁵.

Проблема депортации чеченского и ингушского народов в период войны также стала предметом исследования в ряде публикаций отечественных историков, начиная с периода «перестройки».

Так, по подсчетам Н. Ф. Бугая, в 1944 г. были депортированы 310630 чеченцев и 81100 ингушей¹⁶.

А. Авторханов, сам пострадавший от сталинских политических репрессий, а затем оказавшийся на Западе пишет следующее: «Не за коллаборацию, не за “террористические банды”, а за продолжение вековой, исторически правомерной политически целеустремленной национально-освободительной борьбы за свободу и независимость, уничтожены физически чеченцы и ингуши, ликвидирована их республика. На маленьком кавказском участке в горах Чечни и Ингушетии столкнулись два мира: колосс полицейского произвола – советская Москва и островок свободы человеческого духа – Чечено-Ингушетия»¹⁷.

Таким образом, причинами уничтожения горцев, по мнению А. Авторханова являются: «1) перманентная борьба за национальную независимость горцев и фактическое непризнание ими деспотической системы советского колониального режима; 2) желание Москвы обезопасить Кавказ как тыл в будущих столкновениях с Западом от неизбежного внутреннего общекавказского фронта против советской метрополии; 3) ясно обозначенный курс Советского правительства взять окончательно в имперские руки ведущую и основную для всего Советского Союза кавказскую нефтяную экономику и 4) не только держать Кавказ как стратегическую базу вне внутренней опасности и уязвимости, но превратить его в надежный плацдарм для будущей экспансии против Турции, Ирана, Пакистана и Индии»¹⁸.

По данным В. А. Тишкова, полная депортация чеченцев и ингушей была осуществлена 23 февраля 1944 г. фактически в течение нескольких суток. Депортация привела к значительным демографическим потерям¹⁹.

На наш взгляд, особо следует остановиться на статье доктора исторических наук, профессора В. Х. Акаева, который, обращаясь к методике работы Н. Бугая с архивными документами, обнаружил одну характерную деталь – «некритическое их восприятие, что порождает серьезные вопросы к анализу и

выводу исследователя». Далее, Акаев конкретизирует, что в своих многочисленных публикациях, основанных на некритически воспринятых документах, Н. Ф. Бугай подводит к выводу, что депортация чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, калмыков и других репрессированных народов была вынужденной мерой. И значительная часть вины в этом лежит на самих этих народах и их «лидерах»²⁰. Такого рода уточнение профессора В. Х. Акаева имеет определенную аргументированную основу, т. к. представители чеченского и ингушского народов, сотрудничавшие с оккупационными властями, представляют его меньшую часть. И здесь необходимо даже не фокусировать особое внимание на чеченском, ингушском или других северокавказском народе, а подчеркнуть именно репрессивную направленность в проведении национальной политики со стороны сталинского руководства.

В диссертационном исследовании В. Е. Мартианова была показана роль органов государственной безопасности Кубани в реализации депортации ряда народов Крыма и Северного Кавказа, необоснованно обвиненных в поголовном сотрудничестве с гитлеровскими захватчиками²¹.

Если исходить из данных Н. Ф. Бугая, опубликованных в 1989 г., то всего с Северного Кавказа было переселено в восточные районы страны 608749 ингушей, чеченцев, немцев, карачаевцев, балкарцев и представителей других народов²². Эти показатели подтвердил также В. Н. Земсков²³.

В целом исследователи, обращающиеся к теме этнических депортаций военного времени, дают следующие оценки данного процесса.

Анализируя последствия депортаций военного времени, Н. Ф. Бугай отмечает, что «... прежде всего, был нанесен заметный удар дружбе народов, интернационализму, завоеваниям Великого Октября. В 1940-е гг. политика Сталина и его приспешников нанесла удар по интернационализму. Переселение, приведшее к огромным человеческим, моральным, политическим потерям, противоречило всем принципам ленинской национальной политики. Заметный урон понесла культура народов, возникали сложности в советском и партийном строительстве, падал авторитет Советов как органов государственной власти, были деформированы принципы национально-

государственного строительства, погран суверенитет республик и автономных областей, нарушены права народов на их свободное развитие»²⁴.

По мнению Н. Э. Вашкау, эксперимент, проведенный с несколькими народами в нашей стране, стал реализацией идеи манкуртизма, был разрушен немецкий этнос, народ лишился родины, земли. Насильственно была разрушена структура социально-экономического и культурного развития Немецкой республики и других регионов компактного проживания немцев, произошло фактическое уничтожение народа. Немецкое население оказалось разбросанным по территории всей страны, что повлияло на утрату родного языка, национальной культуры, вероисповедания²⁵.

А. В. Бакунин считает, что депортация народов явилась чудовищным преступлением сталинского тоталитаризма: «Во-первых, это была абсолютно незаконная акция, когда без официального обвинения, суда и следствия переселялись с родных мест в новые малообжитые районы целые народы. Во-вторых, эти народы лишались национальной государственности. У них отняли родной язык, обычаи, культуру, образование. В-третьих, депортированные народы оказались в экстремальной обстановке, неблагоприятных климатических условиях, без жилья и нормального материального обеспечения, будучи социально незащищенными, под надзором НКВД, без права выезда. В-четвертых, невзирая на возраст, ограниченные возможности, спецпереселенцы в своем большинстве были направлены на тяжелые физические работы: в шахты и рудники, на лесоповал, на строительство и освоение новых земель в сельском хозяйстве. В-пятых, спецпереселенцы оказались в условиях социально-психологической блокады со стороны партийных и советских органов, воспитывавших окружающее население в классовой ненависти к депортированным как “врагам народа”»²⁶.

Наиболее радикальная оценка получила отражение в выводах В. Г. Чеботаревой: «Советская репрессивная политика в отношении российских немцев является геноцидом (искусственное создание таких жизненных условий, при которых народ обречен на ассимиляцию, на утрату исторической памяти, самобытной духовной и бытовой культуры)»²⁷.

Также Ч. С. Кулаев квалифицирует политику депортации северокавказских народов

во время войны (карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, калмыки) как политику геноцида²⁸.

«По всем признакам, – пишет В. Н. Земсков, – И. В. Сталина и его окружение раздражала национальная пестрота государства, которым они управляли. Депортация ряда малых народов явно служила цели ускорения ассимиляционных процессов в советском обществе. Это была целенаправленная политика ликвидации в перспективе малых народов за счет ассимиляции их в более крупных этнических массивах, а выселение их с исторической Родины должно было ускорить этот процесс»²⁹.

Однако, несмотря на то, что большинство исследователей негативно оценивают проведенные в период войны этнические депортации в СССР, в современной историографии можно выделить и другую точку зрения.

Так, О. А. Платонов категорично заявляет, что «военная необходимость вынуждала Сталина и советское государство, принять решение о насильственном переселении в отдаленные места страны некоторых народов СССР, значительная часть представителей которых активно сотрудничала с оккупантами, а также участвовала в актах массовой резни русских людей на оккупированных территориях. На территории автономной республики немцев Поволжья германскими разведслужбами были завербованы десятки тысяч человек, готовых активно бороться против России на стороне Германии. В Калмыкии, Чечено-Ингушетии, Карачаеве, Балкарии и на других российских территориях, оказавшихся в оккупации, германские власти сумели склонить в свою пользу и привлечь к сотрудничеству значительную часть населения»³⁰.

Таким образом, в рамках рассмотренной предметной области отечественной историографией в последние годы был сделан значительный шаг вперед. В частности, расширилась исследовательская проблематика за счет привлечения ранее неопубликованных архивных источников. Однако, несмотря на то, что за последние 20 лет в научный оборот был введен значительный комплекс источников, извлеченных из государственных архивов, ряд данных ведомственных архивохранилищ по заявленной проблеме до сих пор остаются недоступным для широкого круга исследователей. Также в современной российской историографии существуют

определенные проблемы в анализе проблематики, связанной с депортацией калмыков и северокавказских народов в СССР периода Великой Отечественной войны: фрагментарное изучение вопроса подготовки самих депортационных операций в высших партийно-государственных органах власти, а также особенностей адаптации депортированного населения на новых местах жительства. В целом, по нашему мнению, изданные к настоящему времени исследования позволяют показать всю противоречивость и трагизм депортаций калмыков и северокавказских народов периода Великой Отечественной войны.

Примечания

- ¹ Бугай, Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 139.
- ² Гос. арх. РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 1.
- ³ Максимов, К. Н. Трагедия народа : Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М., 2004. С. 267.
- ⁴ Там же. С. 267–268.
- ⁵ Полян, П. М. Не по своей воле : История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 116.
- ⁶ Бердинских, В. А. Указ. соч. С. 64.
- ⁷ Гучинова, Э.-Б. М. Вынужденные переселения и этническое самосознание (на примере этнополитической истории калмыков в XX веке) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. С. 29.
- ⁸ Там же. С. 44.
- ⁹ Убушаев, К. В. Депортация и правовая реабилитация калмыцкого народа : историко-правовые аспекты (1943–1991 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003.
- ¹⁰ Бугай, Н. Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006. С. 140.
- ¹¹ Земсков, В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 105.
- ¹² Там же. С. 187–188.
- ¹³ Лайпанов, К. Т. О депортации карачаевцев // Репрессированные народы : история и современность : материалы республик. науч. конф. / отв. ред. М. Н. Кубанова. Карачаевск, 2003. С. 72.
- ¹⁴ Там же. С. 77.
- ¹⁵ Текеева, З. Х. О трудовой деятельности карачаевцев-спецпереселенцев // Там же. С. 105.
- ¹⁶ Бугай, Н. Ф. Народы Украины... С. 140.
- ¹⁷ Авторханов, А. Убийство чечено-ингушского народа : Народоубийство в СССР. М., 1991. С. 64–65.
- ¹⁸ Там же. С. 66.
- ¹⁹ Тишков, В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 421–422.
- ²⁰ Акаев, В. Х. Сталинско-бериевская депортация чеченцев : факты, идеологемы, интерпретации // Национальная политика Советского государства : репрессии против народов и проблемы их возрождения : материалы междунар. науч. конф. (23–24 окт. 2003 г.). Элиста, 2003. С. 9.
- ²¹ Мартианов, В. Е. Органы НКВД Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937–1945 годы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1998. С. 20.
- ²² Бугай, Н. Ф. Народы Украины... С. 140.
- ²³ Земсков, В. Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 105.
- ²⁴ Бугай, Н. Ф. Народы Украины... С. 142.
- ²⁵ Вашкау, Н. Э. Немцы в России : история и судьба. Волгоград, 1994. С. 54.
- ²⁶ Бакунин, А. В. История Советского тоталитаризма. Екатеринбург, 1997. Кн. 2. Апогей. С. 126–137.
- ²⁷ Чеботарева, В. Г. Государственная политика в Республике немцев Поволжья. 1918–1941 гг. М., 1999. С. 413.
- ²⁸ Кулаев, Ч. С. Правовое положение репрессированных народов Северного Кавказа в условиях депортации // Репрессированные народы... С. 58.
- ²⁹ Земсков, В. Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 107.
- ³⁰ Платонов, О. А. Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина. М., 1997. С. 231.